

Нью-Йорк Бродского

В 1974 году Бродский снял квартиру в доме 44 на Мортон-стрит, там, где эта тихая боковая улица в западной части Гринвич-Виллидж, начинающаяся от Восьмой авеню, делает изгиб. Дальше, через два квартала, Мортон упирается в Гудзон. Этот типичный для жилых кварталов Нью-Йорка неширокий по фасаду трехэтажный краснокирпичный «таунхаус» принадлежал профессору Нью-Йоркского университета Эндрю Блейну. Сам Блейн, специалист по истории православия, неплохо говоривший по-русски, занимал нечто вроде флигеля во дворе, а квартиры предпочитал сдавать знакомым. У Бродского завязались дружеские отношения со всеми обитателями дома. Соседи стали для него чем-то вроде семьи с неопределенными контурами. Ближайшим человеком, по существу, верной заботливой сестрой, стала соседка этажом выше, Маша Воробьева. Маша родилась в Вильнюсе в семье русского профессора, историка архитектуры. Близким другом семьи был философ Карсавин. Среди друзей, приходивших к Маше на Мортон, был и крупнейший церковный писатель отец Георгий Флоровский. В Америку она попала в юности с волной послевоенной эмиграции, став преподавателем русского языка и литературы в женском колледже Вассар к северу от Нью-Йорка. Маленькую квартиру через площадку от Бродского временами занимала англичанка Марго Пикен, его друг еще с ленинградских времен, посвятившая свою жизнь работе в международных гуманитарных организациях. Другие сменявшиеся жильцы были, как правило, тоже знакомыми – редакторы издательств, университетские преподаватели. Заботы друзей-соседей не давали Бродскому скатиться к быту неприкаянного холостяка.

С улицы квартира Бродского выглядела полуподвалом, но, так как двор был ниже уровня улицы, со двора это был первый этаж. Во дворе-садишке, отделенном от и без того не шумных улиц домами, было тихо. Дверь из комнаты Бродского открывалась на небольшую мощеную террасу с садовым столиком. Начиная с теплых весенних дней и до ноября, Бродский вытаскивал туда пишущую машинку. Для россиянина Нью-Йорк – южный город, как-никак по широте южнее Крыма. Обстановка в уютном дворе, куда бриз доносил запах моря, под лозами дикого винограда была почти средиземноморская. К тому же жилье Бродского находилось на границе тех кварталов Гринвич-Виллидж, которые называются «маленькой Италией». Типично итальянские кафе «Реджио» и «Борджиа», с их прекрасным крепким кофе-эспрессо, были на расстоянии нескольких кварталов.

На западе, в пяти минутах ходьбы, Мортон упирается в Гудзон. Как бы продолжением улицы был большой, несколько обветшалый деревянный пирс. У пирса на вечном приколе стоял списанный крейсер, в котором теперь размещалась школа поваров. В хорошую погоду на пирсе можно было увидеть удильщиков и милующиеся разно- и однополые парочки (Кристофер-стрит, известная как средоточие гомосексуальной культуры, тоже совсем неподалеку). Этот пирс был любимым местом прогулок Бродского. Он говорил, что все вместе – влажный ветер, плеск воды о деревянные сваи, старый обшарпанный корабль, кирпичные пакгаузы на берегу – напоминает ему его любимые ленинградские места на берегах Малой Невы и Невки. Хотя Гудзон шире, чем Большая Нева в самом широком месте, и совсем близко не мелководный залив, а океан.

Квартира состояла из двух комнат. Полуподвальные окна спальни выходили на улицу. Тесный проход из спальни во вторую комнату служил кухней. Задняя комната с выходом во двор была и гостиной, и кабинетом. В ней горел камин, стояли мягкий кожаный диван, кресла, письменный стол. Письменный стол долгое время был самодельным сооружением. Как и в Энн-Арборе, Бродский купил в магазине стройматериалов заготовку для двери и положил ее на два канцелярских стальных «регистратора» (*file cabinets*). Позднее появился массивный старинный стол-конторка со множеством ящиков и ящичков.

Когда в годы перестройки у Бродского стали появляться гости из России, иные из них были удивлены скромностью жилья нобелевского лауреата. Две тесноватые комнаты в полуподвале были бесконечно далеки от квартирных запросов преуспевающих советских и антисоветских писателей.